

ТВОЯ ЛЮБИМАЯ

ЖЕРТВА

ЮЛИЯ ЕЛЕНИНА

Юлия Еленина
Твоя любимая жертва

«Автор»

2023

Еленина Ю.

Твоя любимая жертва / Ю. Еленина — «Автор», 2023

Обычная учительница математики... Но обычная ли? Нет, я не обычная. Но умело это скрывала, пока за мной не пришло прошлое, которое, как я думала, давно умерло. И неожиданный равнодушный гражданин, с которым я постоянно встречаюсь, то ли добавляет мне головной боли, то ли спасает меня. Но я его определенно видела где-то... И в этой математике, где перемешаны не только числа, но и чувства... Именно самый бесчувственный человек становится жертвой.

© Еленина Ю., 2023

© Автор, 2023

Юлия Еленина

Твоя любимая жертва

Пролог

Под туфлями скрипнуло стекло, и, казалось, даже этот звук эхом отдался от стен и оглушил.

– Черт, – прошептала я, посветив фонариком себе под ноги.

Осколки от стекла межкомнатной двери перемешались с пылью и грязью. Деревянный пол на удивление не скрипел. Не слышалось завывание ветра в пустых глазницах окон. Не шуршали мыши по углам. Хотя жрать им здесь наверняка нечего.

Дом был мертв...

Я остановилась и снова прислушалась. Несмотря на обстановку, мое сердце билось ровно, дыхание было спокойным.

Все правильно, страх должен возникать тогда, когда что-то не можешь понять, а здесь все предельно ясно.

Я одна. Бояться нечего.

Двинувшись дальше, я дошла до лестницы. Выглядела она совсем шаткой, истлевшей.

"Выдержит", – сразу же просигнализировал внутренний голос. Я даже не думала просчитывать вероятность перелома нескольких костей, но то, что жило внутри меня, уже сделало все подсчёты.

Отделаюсь парой заноз.

Прижав фонарик подбородком к груди, я начала карабкаться, пока черный квадрат над головой не поглотил меня.

Здесь воздух был другим. Больше пыли, но ещё и... Я закрыла глаза и сосредоточилась. Смола. Едва уловимый тонкий аромат.

Свет фонарика прошёлся по потолку, стенам, полу. Судя по всему, прежде чем жилыцы покинули этот дом, последней переделали мансарду. Точнее, хотели переделать От вагонки и шел запах.

– Ну же, – продолжала я шарить своим маленьким источником света по каждому сантиметру мансарды. – Ты должен был оставить что-то именно для меня.

Что-то, что я должна увидеть даже в темноте.

"Опасность", – снова застучало в голове.

Что успел уловить и просчитать мой мозг, пока я искала подсказку? Оставив это занятие я снова закрыла глаза и прислушалась.

Хруст... Кто-то наступил на те же осколки, что и я.

Выключив фонарик, я прислонилась спиной к стене и стала ждать, слушать. Тишина...

Но внизу кто-то был. Кто-то, кто хотел остаться незамеченным, как и я.

И все равно мое сердцебиение не учащается, дыхание не сбивается. Страх – плохой советчик. Он затмевает разум, заставляет действовать глупо.

"Твой талант нельзя подвергать воздействию страха", – вспомнила я слова своего учителя.

Но бояться я не умела и до встречи с ним. Мой инстинкт самосохранения основывался лишь на голых расчетах.

Лестница... Кто-то по ней поднимался. Что же, чему быть, того не миновать.

Открыв глаза, я начала привыкать к темноте. Стали угадываться очертания мансарды.

Мелькнули два зеленоватых огонька. И прежде чем любой нормальный человек испугался бы, буквально за сотые доли секунды, мозг выдал заключение: "Прибор ночного видения". Вывод: скрываться уже бесполезно.

– Кто вы? – спросила, снова включая фонарик, но отвела в сторону, зная, что могу ослепить человека.

– Надо же, – ответил мужской голос, кажется, человек даже не удивился моему присутствию. – А вы? Любопытная гражданка?

– Именно.

Сам придумал, пусть сам и верит. Люди чаще всего так и делают.

"Думаю так, будто себя к людям не отношу".

– А я равнодушный гражданин.

Он подходил ко мне, сняв прибор. Я уже могла его видеть, пусть и нечётко. И когда между нами оставались сантиметры, я хотела осветить его лицо, но он перехватил мою руку за запястье.

"Натренирован", – заметил голос в моей голове, оценив примененную силу, и явно не полную.

"Знает, как держать, чтобы обездвижить", – продолжал рассуждать.

"Скорее всего, военный", – сделал наконец-то вывод.

Мы так и стояли молча. Пока равнодушный гражданин не сказал:

– Извини.

Плечо пронзила резкая точечная боль.

– Твою... – успела я произнести.

Кричать и материться на этого равнодушного гражданина было бесполезно. Надо прислушаться к ощущениям.

Мышцы будто перестают слушаться, напрячь их не получается. Дыхание замедляется, как и сердце. Мой голос в голове заткнулся – угнетение сознания. Похоже на передозировку реланиума.

И прежде чем отключиться, я чувствую, как меня подхватывают на руки...

Глава 1

– Екатерина Тимофеевна, – позвал меня один из учеников, – а можно мы пока отвлечемся от подготовки к контрольной? Я хотел вам кое-что показать.

– Лишь бы не учиться, Денис? – спросила я.

– Да мы готовы, – загудел весь класс.

– Тогда потом за оценки мне не выговаривайте. Показывай, – согласилась я.

Май, одиннадцатый класс – где тут им до контрольных? Но я уверена, что они напишут. То ли во мне были заложены педагогические навыки, о которых я ещё год назад не подозревала, то ли дети мне попались умные.

Денис достал из кармана брюк лист бумаги и под новый гомон одноклассников: "Пиши на доске", взял мел, взглядом спрашивая у меня разрешения.

Я села вполоборота, откинувшись на спинку стула, и сказала:

– Прошу.

На доске начали появляться цифры: 208 161 208 188 208 190 209 130 209 128 208 184 32 208 184 32 209 131 208 178 208 184 208 180 208 184 209 136 209 140.

Класс притих, а я пока не понимала, чего от меня хотят.

– Вот, – отложил Денис мел и посмотрел на меня.

– И чем нам интересны эти натуральные целые числа?

– Может, это зашифрованное признание вам в любви, Екатерина Тимофеевна? – с последней парты послышался голос, и по кабинету пронеслись смешки.

"Шифр, шифр, шифр..." – заверещал голос в голове, услышав умное слово.

Он голодал. Он просил. Но я упорно его глушила.

– Тогда расшифруй, Хромов, – посмотрела я на остроумного ученика, чтобы только отвернуться от доски.

"Шифр, шифр, шифр", – настойчиво билось в голове.

Ещё один взгляд – и я начну прикидывать, подбирать, высчитывать. Не надо. Все. Математика одиннадцатого класса – мой максимум.

– А чё, я попробую.

Пока Хромов колдовал около доски, подставляя под числа буквы и начиная все заново, я почему-то задумалась, откуда у Дениса это взялось.

Мне это казалось важным. Из книги? Из какого-то фильма?

– Екатерина Тимофеевна, – почесал голову Хромов, исписавший своими предположениями почти всю доску, – что-то ничего не выходит.

На этой ноте нас и застал звонок. Все быстро потеряли интерес, начав собираться, а я остановила Дениса:

– Подожди.

Он сел за первую парту напротив моего стола и смотрел, как одноклассники покидают кабинет.

– Вы хотите спросить, где я это взял? – догадался парень.

– Именно, – кивнула я.

– Да так, – пожал он плечами.

"Ложь", – дала я волю голосу в голове, а он и рад анализировать невербальные знаки.

– Денис, – вкрадчиво попросила я, стараясь вызвать тональностью доверие, – не просто так ты хотел мне это показать.

Поначалу мне было сложно общаться с детьми, подростками и юношами. Но адаптироваться можно ко всему. И пара книг по возрастной психологии в помощь.

– Только это, – немного подумав, сказал Денис, – батю не говорите. Он меня убьет, если узнает.

– Хорошо, – кивнула я, понимая, что фильмы и книги пролетают.

– Мой батя же полицейский. Иногда домой какие-то копии притаскивает. Вот я увидел у него на столе листок с этими числами и множеством вопросительных знаков. Никто не понимает, видимо, что это такое. Бьются уже который день.

Да, наша полиция пока до отделов криптографии так массово, как в США, не дошла.

– А ты не видел, к какому делу относятся эти числа?

Я сразу спросила, забыв, что передо мной ученик, а я всё-таки учитель. И мне надо было прочитать лекцию о том, что лезть в работу отца и полиции не стоит, это может быть опасно, но, во-первых, некрасиво.

– Екатерина Тимофеевна, а вам зачем?

– Да вот новости не читаю, – улыбнувшись, ответила. – Вдруг у нас маньяк в городе? А я бегаю по вечерам в парке.

"Купится мальчик", – зааплодировал голос.

Да, это было видно по его уже расслабленной позе.

– Вы не слышали об убийстве в пригороде? В старом доме мужика какого-то грохнули. Я слышал, как батя говорил по телефону, что бывалые менты ужаснулись. Но подробностей, конечно, никто не знает. И вот эти числа были на месте преступления.

Может, действительно маньяк?

"Маньяк-математик", – раздался смех в моей голове.

Да, глупость.

– Не слышала, – равнодушно бросила.

– Я пойду?

– Иди, Денис.

Как только он скрылся за дверью, я открыла журнал на той странице, где были данные о семьях учеников.

Верно, отец работает в полиции. Сенников Анатолий Егорович.
Захлопнув журнал, я снова уставилась на доску.

"Мы же можем это решить".

"Нам только надо понять, что это, и как два пальца".

"Мы все запомнили, давай дома подумаем".

– Да заткнись ты уже! – не выдержала я.

Это дело полиции, и меня оно никак не касается.

Глава 2

– Екатерина Тимофеевна, увлекаетесь программированием?

– Что? – не поняла я, повернулась к ученику десятого класса, который собирался вытереть доску.

"Программирование", – радостно завопил голос в голове.

И он просчитал все и сразу. Я обещала себе и не только, что больше никогда не подойду к компьютеру. В двадцать первом веке? Да.

– Аски, – сказала я вслух.

– Ага, – подтвердил Артем, уже занеся руку, чтобы вытереть с доски числа.

– Стой, – попросила я.

Десятки пар глаз уставились на меня, когда я поднялась и подошла к доске.

Взяла мел и надеялась, что ошибаюсь.

"Мы такие умницы".

"Это же очевидно".

"Мы расшифруем".

Да, все было очевидно, только я смотрела в другую сторону. Это не обычный бинарный код с нулями и единицами. Это усложнение для иностранного алфавита. То есть для русского.

Тот, кто в моей голове, дорвался до своей пищи. Я не хотела выводить эти буквы, но написала, не осознавая что. Все легко. Обычная система Аски. Таблица символов, которую я помнила наизусть.

Я даже забыла, что у меня за спиной тридцать учеников. Вглядывалась в буквы на доске, которые легли под числами.

– Смотри и увидишь, – сказала вслух.

Если бы не Артем, я бы в жизни не подумала о двоичных кодах. Потому что... Нет, только не компьютеры и программы. Я обещала себе, я обещала человеку, который дал мне новую жизнь.

– Осужденная Виноградова Екатерина Алексеевна, статья...

– Остановитесь, – прервал меня Марат Сергеевич и указал на стул. – Я знаю все ваши статьи и срок.

Начальник колонии вызвал меня впервые. Говорили все, что он хороший мужик, но лично пока не доводилось встречаться.

– Катя... Можно называть вас Катей?

"Он пытается втереться в доверие", – я даже поморщилась от звука этого голоса.

– Можете, но стучать я не буду, – сразу с места в карьер начала.

– Мне это и не надо.

Он мне импонировал. Мужчина в форме, но, кажется, с огромной душой. Все это я отмечала машинально, основываясь на словах и своих ощущениях. Мой мозг всегда распознает фальшь.

– В чем дело? – прямо спросила я.

– Вы кому-то очень сильно мешаете, Катя. Причем кому-то очень серьезному и со связями...

– Вы без таблицы это сделали? – удивился Артем. – Ничего себе.

Надеюсь, детям это не интересно. В коридорах на переменах они вряд ли станут обсуждать учительницу, которая решает закодированные послания по памяти.

– Вытирай, – сказала я, возвращаясь за свой стол.

"Смотри и увидишь".

"Мы видим больше остальных".

"Это специально для нас?"

Нет, мало ли, сколько психов ходит по земле. Но после уроков, придя домой, я не сдержалась. Взяла телефон и ввела в поисковую строку запрос. Информации по убийству не очень много, как и говорил Денис. Но теперь я знаю точный адрес, где это произошло. Даже фото дома есть.

"Но мы же знаем одного психа, который разбирается в Аски даже лучше нас".

Вот этого я и боялась. Да, знаю одного, точнее, знала. Но он давно мертв. Надеюсь, черви уже сожрали его гениальный мозг, который использовался не так, как надо.

"Не смейте нас. Мы тоже официально мертвы".

Сегодня подкрепленный умственной деятельностью голос был особенно разговорчивым. Но сейчас я его заткну скучной работой.

Выложив на стол две стопки тетрадей, я начала проверку. Как и предполагала, голос заткнулся. Не интересна ему математика старших классов.

Захлопнула последнюю тетрадь, когда уже стемнело, и перед глазами сразу всплыла школьная доска с цифрами и буквами.

"Смотри и увидишь".

Чертова фотографическая память!

"Если ты можешь помочь, то твой этический и моральный долг сделать это", – снова вспомнила наставления своего учителя.

Я могу помочь полиции. Я расшифровала послание. Но как это сделать? Я не должна привлекать к себе внимание.

"Мы можем осмотреть место преступления".

Только этого не хватало. Если меня там кто-то застукает, то проблем тоже не оберусь.

Нужно просто забыть об этом и жить дальше. Вкладывать в детские головы математику, проверять тетради, смотреть по вечерам телевизор...

"Мы ничего не забываем".

Ничего... Так, стоп! Я снова открыла вкладку с новостями об убийстве и начала искать глазами дату. Нашли труп восьмого мая утром. Как и кто нашел его в заброшенном доме, СМИ неизвестно. Получается, убили его, вероятно, седьмого.

Седьмое мая... Совпадение?

– Неужели ты жив, чертов ублюдок? – спросила вслух.

Глава 3

Пробуждение было отвратительным. Голова раскалывалась, мышцы все ещё оставались немного деревянными. И я была в больнице.

Этот запах я узнала, ещё не открыв глаза. Этот шум из коридора тоже. За окном все ещё темно.

Поднималась я как после сильной и очень долгой пьянки. Держалась за старую койку, чтобы не упасть. Потом за стены. Желание узнать, как я здесь оказалась, и желание сбежать тихо боролись во мне.

Документов у меня с собой не было. Из чего можно сделать вывод, что моя личность осталась неизвестной. Ориентируясь по висевшему в коридоре плану эвакуации, я пошла налево.

Приемный покой наверняка не спит в любое время, можно будет выскользнуть незаметно. И я почти вышла в холл, до двери на улицу оставалось с десятков шагов, как меня кто-то окликнул:

– Екатерина Тимофеевна!

Вот черт!

– Да? – обернулась я, посмотрев на невысокую блондинку в белом халате.

Одного взгляда на ее лицо хватило, чтобы вспомнить. Она приходила в школу, чтобы попросить меня позаниматься с ее дочерью.

– А вы куда это? – удивилась она.

Не отвечать же ей, что здесь такой бардак, любой может зайти и выйти, когда вздумается.

– Подышать, – ответила я и снова оперлась рукой о стену.

– Ну что же вы с вашим давлением делаете?

Блондинка тут же оказалась рядом и взяла меня под руку. Я все силилась вспомнить, как ее зовут. Впервые память меня подводит. Голос в голове молчит. На бейдже ее имя просить я не могу – буквы расплываются.

Елена... Елена Андреевна! Точно.

– Пойдёмте со мной, Екатерина Тимофеевна, я ещё раз вам давление померяю.

Теперь меня просто так не отпустят – факт. Но хотя бы она заговорила о давлении, это уже радует. Значит, ничего криминального в моем состоянии не заметили.

Мы зашли в один из кабинетов в конце коридора. Два стола, стулья, кушетка. Надпись на двери я не прочитала, но, скорее всего, это для персонала. Сестринская или ординаторская.

Я устало опустилась на кушетку, глядя как из верхнего ящика стола Елена Андреевна достает тонометр.

Да какое к черту давление? У меня с ним никогда не было проблем. Но не говорить же, что на месте преступления, куда я поперлась черт знает за чем, меня какой-то равнодушный гражданин накачал смесью препаратов. А потом что? Доставил сюда? И засветился на камерах в приемном? Маловероятно.

– Как я сюда попала? – наконец-то спросила и добавила объяснений: – Понимаете, я была на пробежке, а потом очнулась здесь.

Благо, мой внешний вид подходил для занятий спортом. Так что легенда вполне себе убедительная.

– На скорой, как я поняла. Фельдшер наш, Вадик, сказал, что вызова не было. Они ехали на подстанцию, увидели, как вы упали в обморок, вот и привезли сюда.

Заливает этот Вадик, ещё как заливает. Вытрясти бы правду из этого фельдшера, но... Сама виновата.

Елена Андреевна померила мне давление, которое уже приходило в норму, а я спросила, надеясь на отрицательный ответ:

– Какие-то анализы проводились?

– Нет, – покачала она головой, а я даже выдохнула с облегчением. – У вас налицо была гипотония. Но кровь на сахар не мешало бы сдать.

– Сдам обязательно, – заверила я. – А вас, наверное, не стоит задерживать.

– Вы поступили без документов, я-то вас узнала.

Вот спасибо!

– От меня что-то требуется? – я вложила в голос столько участия, будто готова была предоставить всё: от паспорта до диплома.

– Ладно, я все улажу.

– Спасибо вас, Елена Андреевна. Я тогда пойду?

Да выпустите уже меня из больницы! Не могу я быть здесь, ненавижу людей в белых халатах, ненавижу этот запах.

– Идёмте, – согласилась Елена Андреевна и проводила меня до самого крыльца приемника. Дала пару наставлений по давлению и отпустила с богом, как она сказала. И тут ожил он.

"Скажи этой недалёкой, что бога нет. Мы же знаем, как устроен мир".

"Расскажи ей лекцию "О мировоззрении" старика Фрейда".

"Весь мир – это физика и математика".

– Спасибо, – выдавила из себя даже подобие улыбки.

– Может, вам вызвать такси? – заботливо предложила Елена Андреевна.

Я посмотрела на небо – уже светало. Лучше пройтись, раз чувствую я себя уже нормально. Заодно подумаю.

– Мне недалеко, я пешком.

Выйдя за территорию больницы, я решила срезать дворами. За год я мало гуляла по этому городу, но на всякий случай карту посмотрела. И, конечно, все запомнила.

Закрыла на секунду глаза и вслух сказала:

– Давай уже, веди.

"Через дорогу, три дома, мимо детского сада, свернуть к банку, оттуда через частный сектор – и мы почти дома. Среднее время прибытия: двадцать шесть минут".

Он только и рад стараться. Я сама его выпустила, теперь не избавлюсь. Но он мне и нужен, чтобы вспомнить и проанализировать.

В доме точно был не тот, о ком я думала, прежде чем туда пойти. И найти я ничего не успела.

Кем же был равнодушный гражданин? Разбирается в препаратах, имеет при себе прибор ночного видения, собран, не растерялся, заметив меня.

"Точно военный".

И какого черта военному понадобилось на месте преступления?

В его нечётких в темноте движениях было что-то знакомое. Но голос – нет, раньше я его не слышала.

"Обложили со всех сторон".

Не может быть... Никто не знает, кто я. Город был выбран случайно. Я нигде не могла проколоться.

Год жила спокойно – и получите. Только Марат Сергеевич знал мое новое имя, и я надеюсь, что его не выбивали калёным железом и плоскогубцами. Надо найти способ с ним связаться...

Глава 4

Я едва дождалась окончания уроков. И прошли они так себе, что не могло не радовать учеников. Кажется, я нескольким классам даже забыла дать домашнее задание. И ни у одного не проверила прошлое.

Меня больше занимала мысль, как связаться с Маратом Сергеевичем. И если со своей стороны я была уверена в безопасном звонке, то с его... На мобильный звонить не стоит. Позвоню в колонию.

– Екатерина Тимофеевна, мама просила поинтересоваться, как вы себя чувствуете.

Оторвав взгляд от окна, на которое я уставилась после звонка, перевела на девчонку. А Елена Андреевна, оказывается, любит поболтать.

– Все хорошо, спасибо.

– Тогда до понедельника.

– Конечно. Хороших выходных.

Что ж, полдня было тихо после моего ночного приключения.

"Ты знаешь, что надо делать".

Знать-то знаю, но это привлечет ко мне лишнее внимание. Ладно, этот звонок можно сделать из школы и со своего мобильного.

Найдя во всемогущем интернете несколько номеров подстанции скорой помощи, я набрала тот, где значилось "по вопросам трудоустройства".

– Отдел кадров, – ответили мне.

– Добрый день, – начала я уверенно, – на одного из ваших фельдшеров поступила жалоба. И вы знаете, кому он нахамил? Двоюродному брату жены мэра, – надеюсь, что мозг ошалевшей женщины воспримет только слово "мэр". – Мне поручено разобраться с этим инцидентом, чтобы в дальнейшем таких конфузов не происходило. Ваш фельдшер даже не представился. На вызове только слышали, как девушка, которая приезжала с ним, называла его Вадиком.

Дама на том конце провода явно растерялась от моего монолога. Думаю, даже забыла, о чем речь шла в начале разговора. Главное, чтобы в ее голове остались слова "мэр", "жалоба" и "Вадик". В принципе, я речь так и выстроила, чтобы ее немного дезориентировать.

– Вы из мэрии? – наконец-то уточнила она?

– Точно. И знаете, если ваш фельдшер извинится сегодня же, то дело будет замято. Мэр тоже человек, он понимает, что у всех бывают плохие дни, переработки, недосып.

– Мы его уволим.

"И почему все люди так однобоко думают? Уволить работника, чтобы не полететь с более высоких постов".

– Девушка, – едва ли не в панике начала я, – вы что? У вас что, очередь из фельдшеров стоит? Недобор на подстанции.

Да, по вакансиям я тоже успела пробежаться.

"Мы вместе все просчитали. Мы же..."

– Заткнись, – тихо сказала.

– Простите? – услышала и чуть не чертыхнулась.

– Что? – спросила в трубку. – Так что там с этим Вадиком?

– У нас только один фельдшер по имени Вадим. Но он после смены, у него отсыпной.

– Пожалуйста, адрес, телефон – и мы забудем об этом конфликте.

– Да, конечно.

Правильные слова, правильная интонация, не дать человеку опомниться – и из него можно веревки вить.

Сразу Вадик, потом Марат Сергеевич. Чтобы было чем сравнивать.

"Без меня справляешься", – обиделся голос в голове.

– Это обычная логика.

Да видел бы меня кто со стороны, дурку вызвал. Впрочем, для меня это не в новинку.

Я занесла журнал в учительскую, вернулась за сумкой и хотела уже уйти, как в моем кабинете появился директор. Неожиданно. Мы встречались только на педсоветах, где я по большей части отмалчивалась, сидя в уголке. Да и ни с кем из коллег я близкой дружбы не заводила. Приветствие, прощание, пара слов о погоде.

– Екатерина Тимофеевна, – закрыв дверь, под моим недоумевающим взглядом начал Роман Олегович, – ко мне сейчас зашёл один из родителей...

Он сделал драматическую паузу, не понимая, насколько быстро обрабатываю подобные интонации и набрасываю несколько выводов. Классного руководства у меня нет – ко мне не пришли, потому что мой ученик поджёг кнопки в лифте или отобрал карманные деньги у первоклассника.

Кому-то не понравились оценки, выставленные ребенку? Вполне возможно, но почему бы не прийти сразу ко мне? Хотя тут ещё вариант со склочным родителем, который направился сразу к директору.

Но самое главное... Год я никому не была нужна. А тут уже и родителям. Совпадение? Или... Конечно же!

– Дайте угадаю, – продолжила я за Романа Олеговича, – это отец Дениса Сенникова?

Директор сориентировался быстро.

– У вас какой-то конфликт с Денисом?

– Нет, что вы. Просто у мальчика талант к математике.

– Он ждёт в моем кабинете.

– Хорошо, пойдёмте.

Мы спустились на первый этаж и, пройдя приемную, вошли в кабинет директора.

– Добрый день, – кивнула я мужчине, садясь напротив него за столом, который стоял перпендикулярно директорскому.

– Здравствуйте! – ответил он. – Роман Олегович, – повернулся к директору, – вы говорили, у вас ЧП в актовом зале? Мы с Екатериной Тимофеевной немного поболтаем.

"Мы не любим ментов. Они глупые".

Взгляд Сенникова не казался таковым. Он был пронизательным. И выглядел отец Дениса очень даже представительно. Не обычным рядовым ментом.

Когда за Романом Олеговичем закрылась дверь, Анатолий Егорович расслабленно откинулся на спинку стула и продолжил на меня смотреть.

Знаю я этот прием – не проберешь. Молчит, не начинает, чтобы я начала нервничать. Для этого же предпочел и директорский кабинет, а не мой.

Ладно, играть в гляделки мы можем долго.

Я сложила руки замком на столе и чуть нагнулась вперед.

– Вы хотели со мной поговорить? – спросила ровно.

– Меня зовут Анатолий Егорович, – представился он и даже протянул руку.

Я нехотя ее пожала и ответила:

– Очень приятно.

Если бы я не понимала, зачем мы здесь, то голос бы очень сильно верещал о том, что внимание ментов нам не надо. Но сейчас он заткнулся, что не могло не радовать.

– Екатерина Тимофеевна, вы помните себя в шестнадцать лет?

Лучше бы не помнила, но, увы, я ничего не забываю.

– Конечно, – основываясь на наблюдениях за своими учениками, быстро ответила я, – первая любовь, а надо готовиться к экзаменам. О, ещё пробовала курить в этом возрасте, но у нас как-то не срослось.

"Да когда он уже начнет? А то такими темпами мы тут до вечера просидим".

Анатолий Егорович повторил мою позу. Да его как будто натаскивал хороший специалист. Неужели наша полиция ходит на тренинги к психологам?

– А ещё в таком возрасте, – продолжил Анатолий Егорович, – детям кажется, что они понимают все лучше взрослых.

Точно психолог натаскивал!

– Послушайте, – надоело мне ходить да около, – вы же хотите поговорить о материалах дела, которые мне вчера показал Денис.

– Да, я заметил, что бумаги кто-то просматривал... Впрочем, не важно. Сын сказал, что показал только вам. И обстоятельства дела он тоже вам изложил.

– Я вас поняла, – кивнула. – От меня эта информация никуда не уйдет. У вас все?

Сенников ещё немного посверлил меня взглядом, но в итоге кивнул.

– Спасибо, Екатерина Тимофеевна.

И к чему была такая длительная прелюдия? Я попрощалась и, поднявшись, уже дошла до двери, как Анатолий Егорович спросил:

– То есть к математике эти числа никакого отношения не имеют?

Я напряглась, но лишь на секунду. Развернулась и ответила:

– Это не формулы, не уравнения. Я бы вам посоветовала обратиться к другим сферам, где используются числа. Но и это явно не физика. Смотрите шире.

– Как странно, Екатерина Тимофеевна, учитель математики советует полиции смотреть шире. И в какую же сторону?

Я и так слишком много сказала. Если заикнусь о программировании, то ко мне будут вопросы.

И я знаю: если это он, то полиция бессильна, он обыграет всех, даже умнейших людей в этом мире.

– Анатолий Егорович, – я сделала вид, что задумалась. – Знаете, что-то подобное, кажется, выскакивает, когда загружаешь компьютер. Я в них не особо разбираюсь, – развела руками. – И я могу ошибаться. Ещё раз до свидания.

Не дожидаясь ответа, я выскочила из кабинета и только через несколько дворов от школы убавила шаг.

"Мы не можем ошибаться".

"В компьютерах мы разбираемся лучше многих".

"Давай хакнем полицейскую базу, вдруг они уже под нас копают?"

Подушечки пальцев даже начали чесаться. В груди поднялось знакомое чувство эйфории от одной мысли, что мои пальцы могут снова коснуться клавиатуры.

– Нельзя, Катя, нельзя.

Глава 5

После разговора с Анатолием Егоровичем мне бы сидеть и носа не показывать, но я все равно пошла по адресу, полученному в отделе кадров подстанции.

Я же не в дела полиции лезу, а хочу узнать, как оказалась в больнице. Хотя кого я обманываю? Мне интересно, как выглядит равнодушный гражданин. И, возможно, фельдшер запомнил хоть какие-то приметы.

В подъезд я попала без проблем. Какой-то добрый самаритянин прямо над панелью написал код от замка. Стандартная девятиэтажка, тамбур на две квартиры.

"Пятый этаж", – подсказал мне учтиво голос, мгновенно произведя расчеты.

Я пошла пешком, и пока поднималась, он все не уставал твердить:

"Давай хакнем что-нибудь".

"Ну давай хоть напишем".

"Давай хотя бы ноутбук купим. Маленький безвредный ноут".

Так-то он прав. Вреда от ноута нет, вред наносится теми, в чьих руках он находится.

Я остановилась перед дверью с двумя звонками. Черной, местами выцветшей краской были подписаны номера квартир, и я нажала на нужную. Давить пришлось долго. Видимо, Вадик действительно отсыпался после дежурства.

Наконец я услышала, как открылась одна дверь, а потом и тамбурная распахнулась. Молодой парень совсем. Он сонно потирал глаза, но, увидев меня, кажется, проснулся окончательно.

– Это вы?

– Это я, – не стала отрицать. – А мы знакомы?

Парень растерялся. Отлично. Я даже не стала уточнять, Вадик он или не Вадик. Раз узнал, то ответ очевиден.

– Ну, – протянул он, почесав затылок, а потом чертыхнулся: – Вот как чувствовал, что проблемы будут.

– Какие проблемы?

– Вы издеваетесь? – посмотрел на меня с подозрением.

Я не издевалась. Даже толком ни о чем не спросила, а он уже дал понять, что что-то было. Шпиона бы из Вадика не получилось.

– Кофе угостите?

– Проходите, – обречённо выдохнул он.

"Живёт не один. Чувствуется в квартире женская рука. Скорее всего, мать".

Вот оценка жилищных условий и семейного статуса мне точно не нужна. Но кто же меня спрашивает?

Вадим поставил чайник и сложил руки на груди, застыв напротив меня в напряжённой позе.

"Он от нас защищается. Давай вытрясем из него всю душу".

– Как вы узнали мой адрес? – наконец-то догадался спросить Вадик.

– На подстанции дали, – честно ответила я.

"Ведь мы просто могли хакнуть базу, а не ломать комедию по телефону".

– И чего вы хотите?

Долго ты соображал, парень. Уже и чайник закипел.

Я не спеша мешала ложкой кофе, чем напрягала Вадика ещё больше.

– Ты меня привез в больницу?

– Ну да...

– Как? Откуда? И почему солгал в приемном?

Стоит дать понять человеку, что ты уличил его во лжи, он забудет о том, что какая-то женщина пришла к нему без приглашения и устраивает допрос с пристрастием.

– Да я не солгал, – начал оправдываться Вадик. – Просто не до конца все рассказал.

– Мне расскажи.

Парень задумался. Видимо, нейрончики в его голове забегали, потому что он спросил:

– У меня будут проблемы?

– Да что ты! – поспешила его успокоить. – Я просто хочу понять, как оказалась в больнице, – и чтобы Вадик не начал придумывать новую историю, добавила: – Ты видел того мужчину?

– Видел, – опять он тяжело вздохнул. – Он преградил нам дорогу на подъезде к больнице. Сказал, что девушке плохо, нужна помощь. Я хотел его отправить в приемник, там полкилометра оставалось. Но он сунул мне деньги и сказал, что очень торопится.

– Он был на машине, – сделала вывод.

– Да. А вы на заднем сиденье.

– Как он выглядел?

И тут Вадик совсем растерялся.

– Эм... Не знаю.

"Была бы у всех такая память, как у нас, было бы проще".

– Ну хоть что-то.

– Высокий. Цвет волос не скажу, на нем была кепка с ярко-красным кружком спереди.

Ну и... обычный мужик.

Браво, гражданин равнодушный. Рядом с лицом яркое пятно на кепке, которое и отвлекло взгляд Вадика.

– А машина?

– Обычная. Темный седан.

И снова bravo. Конечно, не на "Мустанге" красном же развезать.

Даже если бы я сейчас взломала камеры видеонаблюдения на той дороге, то темных седанов набралось бы с десятков. И я даже пытаться не буду искать камеры в том месте, где он остановил машину скорой.

"А он умен".

Тут я даже спорить не стану.

– Ладно, Вадим, спасибо за кофе, сказала я, поднимаясь, и в коридоре добавила: – Если на работе спросят, все ли в порядке, скажи, что конфликт улажен.

– Какой конфликт?

– Просто ответь, как я сказала.

Улица встретила начинающейся грозой. Небо заволокло, где-то далеко уже гремело. Я успела дойти до остановки, когда упали первые крупные капли. Люди столпились под крышей, но ветер все равно забрасывал дождь внутрь.

Пиджак местами промок, когда наконец подошёл мой автобус. Пройдя в конец салона, я уставилась в окно и задумалась.

Надо, наверное, уезжать. И что? Снова менять документы, обживаться на новом месте, искать работу? Может, я просто нафантазировала себе?

"Мы не фантазируем, а анализируем".

Объявили мою остановку, и я выскочила под самый ливень. До дома было недалеко, но я успела вымокнуть насквозь. В ванной сняла вещи, чтобы забросить в стиральную машину, и по привычке проверила карманы пиджака, хотя знала, что там ничего не должно быть.

Не должно, но было...

Я вытащила намокший обрывок обычного белого листа и начала аккуратно разворачивать, чтобы не порвать. Чернила немного поплыли, но прочитать можно.

"Не ищи меня".

Вот... неравнодушный гражданин. В том, что это он, я не сомневалась.

"Автобус", – подсказал мой надоедливый товарищ.

– Да не дура, сама догадалась.

Если он обо мне знает хоть самую малость, то только в толпе мог подойти. Слишком много лиц, при желании я бы могла запомнить все, но стояла, уставившись в окно.

Я закрыла глаза и воспроизвела свое движение по салону. Нет, людей были десятки, только смена на местном заводе закончилась.

Бело-красная табличка с черной камерой в середине и надписью "ведётся видеонаблюдение".

"Ну давай, мы же можем взломать транспортную организацию. У них наверняка защита никакая. И это же не секреты государственной важности".

Я уже почти созрела для этого, но в чувство меня привел сильный раскат грома.

Черт возьми! Я всерьез об этом подумала?

Ни в коем случае! Это мой наркотик. Слезть потом будет трудно. И чревато это самыми неблагоприятными последствиями.

Забросив вещи в стиральную машину и просушив полотенцем волосы, я устроилась на кухне с кружкой чая и набрала номер подмосковной женской колонии.

– Слушаю!

– Марат Сергеевич, – произнесла я. – Это...

– Я узнал. Ты зачем звонишь? Предупреждал же, больше никакой связи.

– Ваша линия наверняка защищена.

– А твоя?

Странно слышать от него этот вопрос.

– Я звоню через программу.

– Ее не отследят?

– Обижаете, Марат Сергеевич, ее написала я.

Глава 6

– Я знаю, о чем ты хочешь спросить. Да, о тебе спрашивали, – тут Марат Сергеевич вздохнул. – Но это было почти год назад. Я им сказал, что Виноградова Екатерина Алексеевна умерла при пожаре. Родственников у нее не было, поэтому кремацию провели за счёт государства, хотя и кремировать особо нечего было.

– Они представились? – спросила я.

– Конечно. Подожди, – попросил Марат Сергеевич, и я услышала, как зашуршали листы. – Винников Константин Иванович и Сергеев Александр Станиславович. Догадываешься, откуда они?

– ФСБ, – усмехнулась я.

– Да, только этот Сергеев сказал пару слов, и его разговор...

– Он иностранец.

– Даже не хочу знать, где ты отличилась.

– Поверьте, Марат Сергеевич, меня может искать и ЦРУ, и МИБ, и Моссад. В последнее время обо мне никто не спрашивал?

– Нет.

– Тогда всего доброго. Больше вас не побеспокою.

– Послушай, – сказал Марат Сергеевич, когда я уже хотела повесить трубку, – есть один хороший психолог, специализирующийся на патологиях преступников. Я не знаю, где ты сейчас, но он живёт недалеко от Краснодара.

А вот это уже интересно. Я сама могу психологию изучить за несколько дней, но это будет только теория.

– Сбросите мне адрес?

– Конечно. Зовут его Андрей Григорьевич Калинин.

Пусть Марат и не знает, где я, но я не верю в совпадения. На просторах огромной родины мы оказались с этим психологом не так и далеко друг от друга.

– Спасибо.

– Удачи, Катя.

Бросив телефон на стол, я уставилась на разбушевавшееся небо. В принципе, неудивительно, что меня искали. Они должны были убедиться, что я мертва. И Марат Сергеевич, я уверена, предоставил им все доказательства.

Когда от меня хотели избавиться, пострадал, увы, другой человек. Она вот-вот должна была откинуться, начать жить заново, но оказалась в земле под табличкой с моим именем. Тогда Марат понял, что в борьбе с профессиональными наемниками колония не выстоит. И я ушла под новым именем в свободное плавание. С условием, что больше никогда не прикоснусь к компьютеру.

Я взяла на себя чужое преступление, потому что... А почему? Любила ли я его? Тогда мне казалось, что да. Сейчас я понимаю, что нет. Мы просто понимали друг друга. Мы были слишком похожи. И это был первый человек, который меня принимал. Меня даже родители не понимали.

А кто бы понял ребенка, который в год разговаривает полными предложениями, а в три пытается провести электричество в дом?

"Не умаляй свой интеллект только потому, что другие тебя не понимают", – говорил мне учитель.

А меня никто не понимал. Девочка, которая выигрывала все школьные олимпиады? Да такого быть не может! Девочка, которая исправляла учителя математики? Вон из школы!

От лицемерия грозы меня отвлек телефон. Марат сбросил мне номер и адрес Калинина Андрея Григорьевича.

Что ж, пока не время. Мне надо немного разобраться в происходящем.

"Давай думать".

"Давай анализировать".

– Заткнись.

Может, и мне поможет этот психолог сродниться снова со своим голосом. Раньше мы были одним целым, но я его затолкала куда-то, отделила от себя. Поэтому сейчас у нас такие проблемы.

И снова телефон. Мне вообще редко звонят, в основном по работе. Номер незнакомый. Я долго смотрела на экран, пока не решилась.

– Да!

– Екатерина Тимофеевна, это Денис.

Моя жизнь определенно становится веселее. Сейчас я буду слушать извинения за подставу с отцом?

– Слушаю тебя, Денис.

– Екатерина Тимофеевна, давайте встретимся. Я хочу извиниться.

– Ты можешь это сделать по телефону.

– Нет, я хочу лично.

Комарик зазвенел в голове. Не просто так он предлагает встретиться. И я не должна соглашаться. Все во мне протестует – и дело не в полицейском папе. Но тяга к знаниям, а точнее, банальное любопытство сгубит кого угодно. И внутренний протест пришлось задавить.

Я посмотрела в окно – гроза закончилась, на небе даже появились очертания радуги.

– Хорошо, давай встретимся.

– Я сейчас в торговом центре на Заводской.

И так близко...

– Хорошо, минут через двадцать буду.

– Будем ждать вас на фуд-корте.

Кто такие мы, я спросить не успела. Но вряд ли папа. Он явно дал понять, что может меня достать, независимо от времени и места.

Кто-то из одноклассников с Денисом? Вполне возможно. Но что-то мне подсказывает: не стал бы он назначать встречу учителю, если это может стать достоянием общественности.

Об этом я и думала, пока одевалась и ехала до торгового центра.

"Что-то не так".

"Может, сразу стоит присмотреться".

Господи, это всего лишь парень, а не международный шпион!

Я поднялась на третий этаж, где находился фуд-корт, и, проходя мимо столиков, высматривала Дениса.

Он сидел не один.

"Опасность!"

"Уходи!"

– Гребаный параноик, – прошептала себе под нос.

Мужчина сидел спиной ко мне. Стриженный затылок, белый свитер, дужки очков – первое, что я заметила. Денис махнул мне рукой и улыбнулся, но я не могла отвести взгляд от его собеседника.

А когда он повернулся и посмотрел мне в глаза... Я знаю этот взгляд. Будто цифры запрыгали: IQ – не менее 180.

Такой взгляд бывает только у нас. Это один из показателей, по которым можно узнать гения...

Глава 7

"О, хоть будет с кем пообщаться".

"Умные люди такая редкость".

Заткнулся бы он, но в последнее время я так часто даю ему волю, что понимаю: уговорить его будет сложно. И чем дольше это продолжается, тем сильнее он. А я только научилась быть обычным человеком.

Я подошла к столику и сказала:

– Здравствуйте!

– Екатерина Тимофеевна, – подскочил Денис, – кофе хотите?

– Нет, спасибо.

Человек, сидевший с моим учеником, был намного старше его. Даже старше меня, возможно. Хотя есть такая категория людей – без возраста. Ему могло быть как и тридцать, так и сорок пять.

– Это мой дядя, – догадался представить Денис, но тут его перебили.

– Герман, – поднялся этот самый дядя и протянул мне руку.

Я пожалала только кончики пальцев и тоже представилась. Определенно, сходство с Анатолием Егоровичем есть. Но если от того несло ментовской вышколенностью за версту, то род занятий Германа я затруднилась определить. Одет в свободном стиле. Но руки явно не заводские и не автомастерские. Ухожен. Очки вроде бы простые, но оправка явно не из дешёвых.

– Екатерина Тимофеевна, – начал Денис, – меня Герман уговорил извиниться перед вами. Всё-таки отец может иногда перегибать...

– Все в порядке, – кивнула я.

Значит, дядюшка уговорил? Что не так? Что-то явно, но даже я не могу уловить.

– Точно? – настаивал Денис. – Я не хотел вас подставлять.

– Ты меня не подставил, – отозвалась я.

Все это он мог сказать и по телефону, но инициатива встретиться точно исходила от дяди.

– Денис, – оторвался Герман от телефона, и я, признаться, наблюдала за его действиями. – Ты же с друзьями в кино собирался.

– Точно! Екатерина Тимофеевна, математика на понедельник сделана.

– Хорошо, – кивнула я.

Движение пальцев, скорость набора текста, даже когда Герман не смотрел на экран – я не ошиблась в своих выводах.

– А мы с вами выпьем всё-таки кофе?

Он заметил, что я собираюсь уйти. И опередил меня.

– Извините...

– Пожалуйста, Екатерина. Я только сегодня вернулся в город, а ни брат, ни племянник не могут выделить мне время.

– Командировка? – спросила я, хотя не хотела.

Не стоит завязывать душевные разговоры и с кем-то слишком откровенничать.

– Да я там постоянно.

– И кто же вы? Дальнобойщик?

– Хуже, но это коммерческая тайна.

Прозвучало как шутка, но, как известно, в каждой шутке есть только доля ее.

"Мы же понимаем, кто он".

"Беги".

Но я продолжила со странной маниакальностью докапываться, будто сама себе хотела вырыть яму.

– Шпион, что ли?

Герман улыбнулся и в той же шуточной манере ответил, чуть перегнувшись через стол:

– Ловлю таких.

Улыбка на моем лице застыла приклеенной, и не знаю, насколько сильно я побледнела. Если есть в этих словах хоть доля правды, то у меня могут быть проблемы. Вряд ли мои фото попали в базы, тем более что залетела я по статье, которая вряд ли будет кому интересна...

– И как успехи? – вроде бы равнодушно спросила, просто поддерживая разговор.

– Не жалуемся. Но вообще поимкой занимаются специально обученные люди, а я всего лишь техническая сторона дела.

Технический аналитик просто так оказался рядом со мной сегодня? Именно сегодня?

Слишком много всего за одни сутки. И в совпадения не поверю. Умысел будет более уместен.

– Знаете, мне пора, – поднялась я.

"Беги!"

"Он опасен для нас".

– А мне совершенно нечем заняться, поэтому я могу вас проводить.

"Он не оставляет нам выбора".

Выбор есть всегда, но слишком активный протест вызовет подозрения.

– Катя, вы давно здесь живёте?

Вопрос не вогнал меня в ступор, но напярк. Легенда моя была вышколена, и я сама в нее поверила.

– Год почти. Переехала из Подмосковья.

– Интересный выбор.

Мы шли по улице, я чувствовала, как леденеют мои руки, но голос не срывался.

– Знаете, Катя, вы не похожи на учителя.

Он увидел то же, что и я. Этого стоило ожидать. Мы видим друг друга.

– А на кого я похожа?

– На человека, который способен на многое, но его загнали в рамки.

Ненавижу аналитиков. Сразу вспоминаю Эдгара По. Да, всякий аналитик склонен к изобретательности, но не каждый изобретатель склонен к аналитике.

А мы сейчас будто играли в игру "Кто окажется умнее".

Не ему тягаться со мной, пусть интеллект в глазах явно виден. Или наоборот?

"Нет, не может быть гения с высоким эмоциональным интеллект!"

Глава 8

Герман дошел со мной до остановки, и я сказала:

– Спасибо.

Он должен понять, что это конечный пункт его пути со мной. Если кажется дальше, то голос просто разорвет мне голову своим верещанием об опасности.

– Знаете, а я, кажется, понял, почему математика.

– Потому что ума хватило только на педагогический или по мне видно, что я рождена вбивать знания в детские головы?

Попытка пошутить, как я думала, немного отвлечет Германа. Но он даже не улыбнулся. А в следующую секунду выдал:

– Математика заключает в себе не только истину, но и высочайшую красоту – красоту холодную и строгую, подобную красоте скульптуры.

А вот сейчас я уже едва устояла на ногах. Он мне цитирует Бертрانا Рассела? Почему именно его?

– Мой автобус, – кивнула я в сторону дороги.

– Жаль, я бы ещё с вами пообщался.

Он не настаивает – уже хорошо. Может, цитата просто совпадение?

"Ещё одно?"

"Очень смешно".

"Тут бы и посмеялся кто-нибудь и с IQ меньше сотни".

На этот раз в автобусе я снова заняла заднюю площадку, но уже лицом к салону.

Становлюсь параноиком. Я вышла на остановку раньше и дворами двинулась, но не к своему дому. Лица всех, кто был в автобусе, я запомнила. Пару раз останавливалась, вроде бы печатая сообщение, но ничего подозрительного не заметила. Так и дошла до нужного дома.

Когда я год назад выбирала это место, то делала это наугад. Ткнула с закрытыми глазами в улицу на карте, на игральных костях выкинула номер дома и подъезда. Это надёжнее всего.

Так никакой привязки к месту, к людям, к собственной личности. Как бы люди ни старались делать что-то наобум, их мозг сам выберет что-то более для них привлекательное.

"И снова думаешь так, будто к людям себя не относишь".

"Кстати, а давай погуглим этого Германа".

"Хотя вряд ли обычный поисковик поможет, давай его прогоним по всем базам".

Сдался мне этот дядюшка. Сейчас бы разобраться, что делать дальше.

"Мы уже во всем давно разобрались. Мы не действуем на эмоциях – это сумасшествие".

Мне повезло, на скамейке, окруженной кустами, перед входом в подъезд никого не было. Пятница, а дачный сезон уже открыт. Впрочем, как и дверь в подвал, которая с лёгким скрипом поддалась.

Я ее быстро закрыла и только потом включила фонарик на телефоне.

"Так здорово!"

"Вчера дом, сегодня подвал".

Я радости не разделяла, но начала спускаться вниз. В углу что-то зашуршало, когда я достигла подножия лестницы.

"Крыса или бездомный кот".

– И с IQ бы меньше сотни догадалась, – передразнила шепотом, даже не дернувшись от шороха.

Много времени я здесь не пробыла. Так же быстро выскользнула, сразу выглянув на улицу, и прогулочным шагом направилась домой.

Но сюрпризы на этом не закончились. Только я начала открывать дверь своей квартиры, как распахнулась соседняя.

– Катенька, – позвала меня милая старушка, единственная, с кем я, если можно так выразиться, свела знакомство.

Хотя правильнее будет сказать, что она со мной.

– Варвара Павловна, – обернулась.

– Катенька, тут парнишка тебе в дверь трезвонил. Ну я и вышла, чтобы сказать, что тебя нет дома.

Какой ещё, черт возьми, парнишка? С высоты возраста Варвары Павловны она так может назвать и двадцатилетнего, и сорокалетнего.

– Курьером назвался. Вот, коробку тебе передал.

Курьер отдал посылку соседке? Слабо верится.

"Подставной".

Да я даже не сомневаюсь. Концы можно не искать.

Я не хотела её брать в руки. Но взяла, потому что соседка уже начала удивлённо на меня смотреть.

– Спасибо, Варвара Павловна.

– Не за что, Катенька.

"Вес килограмма два".

"А что у нас может весить килограмма два и быть такой формы?"

Никаких печатей курьерской службы, почтовых и тому подобного. Обычный напечатанный бланк, на котором указано, кому адресовано и куда.

Что ж, старушка с катарактой идеальный вариант для получения посылки.

Может, встреча с Денисом и его дядей не такая уж случайная? А что? Вполне логично: с учеником на встречу я же согласилась.

"Ничего не понятно".

Где уж тут понять, даже если включить нас обоих на полную мощность.

Я поставила коробку на журнальный столик и аккуратно подняла крышку.

– Твою мать!

Это был ноутбук. А сверху на крышке лист бумаги А4 с двумя напечатанными словами. Взломай меня...

– И зачем мне это надо? – спросила у отправителя, как будто он мог меня слышать или словно я знала, кто он.

Догадка была та же, что и вчера. Но сколько бы я ни думала, все чаще отметала эту мысль. Из мертвых не воскресают...

Я не хотела открывать и включать ноутбук. Там могло быть что угодно. Но если кто-то решил со мной поиграть, ещё непонятно зачем, то могут и подставить с этим ноутбуком.

И всё-таки я его достала и открыла, но на кнопку включения пока не нажимала. Только, судя по всему, придется. На темном экране ещё один белый лист. И снова два слова.

Время идёт...

"Да жми уже".

"Ну у нас же даже интернета в квартире нет, мы только одним глазком посмотрим".

"Мррр, какой приятный звук".

Это уже после того, как я начала загружать ноутбук. Время действительно шло. И отсчитывал его экран. Четыре часа, тринадцать минут, сорок восемь... семь... шесть...

Под цифрами находилось шесть пустых прямоугольников. Я навела курсор на первый, щёлкнула по нему, и я появилась надпись: "Думай".

Зачем? Тот, кто действительно меня хорошо знает, понял бы, что я легко могу обойти все протоколы защиты и войти без пароля.

"Давай же".

"Ну это даже не взлом".

Ладно... Пальцы забегали по клавиатуре. Такая работа занимает от силы минуту, но через пять я приуныла.

"А он умен".

Настолько, что Сноуден бы заплакал, попади этот ноутбук в его руки. Взломать можно, но с таким же успехом, как открывать консервную банку пластмассовой вилкой.

В каком хотя бы направлении думать?

Шесть цифр? Хотя могут быть и буквы.

– Иди к черту!

Я захлопнула крышку и услышала короткий сигнал. А вот это уже мне не нравится.

Открыла снова. Времени стало на час меньше.

Как, черт возьми? Ноутбук не подключен к интернету, только если...

"Давай теперь думать буду я. Что у нас под окнами? Магазин. Wi-fi у них точно есть. Сигнал доходит".

Я снова вернулась к системе. Подключенное устройство – кто-то управляет удаленно. Но если он так хорош, то поймет, что я начну его вычислять. Да и вряд ли смогу, если даже не обошла протоколы.

И новое сообщение на экране:

"Смотри и увидишь".

– Кажется, сегодня опять кто-то умрет.

Глава 9

Интересно, если я позвоню Анатолию Егоровичу и скажу, что намечается новое преступление, как быстро он меня раскроет? И поверит ли вообще?

А если я ошибаюсь?

Я знала многих хороших специалистов, но чтобы настолько... Только один так хорош... был.

Воспитывая в человеке разум, но не мораль, мы создаём угрозу для общества. Его эта фраза описывала точно. Жаль, что я слишком поздно разобралась во всем. Но меня этому

никто не учил. Разбираться в людях, их чувствах, мотивах и эмоциях – это наука посложнее математики. А с цифрами мне всегда удавалось дружить лучше.

– Это ведь не ты, – сказала я компьютеру.

Но кто? Другей у него не было, а единственный близкий человек...

Я тряхнула головой, отгоняя воспоминания. Если это как-то связано с ним, то я знаю пароль.

230408 – я ввела цифры, и экран изменился. Ну да, не все так просто. Теперь мне предлагали авторизоваться.

И снова сообщение под двумя строками, куда мне надо было ввести логин и пароль: "Что мы чаще всего используем?"

Используем для чего? Для логина – производные от имени или фамилии. Для пароля – что угодно. Дата рождения, номер телефона, день рождения матери или вообще любой набор цифр и букв.

Может, просто захлопнуть крышку и забыть? Эти игры до добра не доведут. Но если я так сделаю, то я ничем не лучше того, кто все это затеял...

– Привет, Ласточка, – бросился ко мне на шею ребенок.

– Я Катя, – напомнила ему.

– А почему тогда папа зовёт тебя Ласточкой?

Догадка совершенно дурацкая, но, как говорят, чем черт не шутит. Я ввела в строке "логин" слово "ласточка" на английском языке. Но без пароля я не узнаю, правильно ли. Он дал мне подсказку. Что мы используем?

– Это одно из самых простых кодирований, – ткнул пальцем в экран ребенок, и я увидела один из способов кодирования двоичных данных.

– Дима, ты учишь его кодить?

Может, если бы мне в детстве кто-то объяснял так же, если бы меня не изучали как подопытного кролика, я бы была таким же обычным ребенком.

– Он сам научился, – ответил Дима. – Наблюдал за мной во время работы. Все схватывает на лету, – потрепал мальчика по голове.

– На улице погода хорошая, а он у компьютера сидит, – не соглашалась я.

У меня не было детства, и мне хотелось, чтобы у этого ребенка оно было нормальным. С мячом, качелями и друзьями.

– Помнишь... – тихо сказал Дима, а я продолжила, зная, что сейчас он повторит свою любимую фразу:

– Гениальность не болезнь.

Может, это и есть пароль? Но какая система шифрования? Неужели та самая простая. Base64. С ней я не особо знакома. По памяти не введу. Открыв на телефоне поисковик, ввела запрос. Перешла по первой же ссылке и написала в запросе на шифрование: гениальность не болезнь. Полученный результат перенесла в строку "пароль".

0JpQtdC90LjQsNC70YzQvdC+0YHRgtGMINC90LUg0LHQvtC70LXQt9C90Yw=

Нажала на ввод – и снова смена экрана. Какого черта? Это шутка такая?

Ничего, кроме картинок с котами? Они сменяли друг друга, выскакивая в центре и перемещаясь к краям, пока не заполнили весь экран. И через секунду экран погас. Он удаленно взорвал всю систему.

"Это не просто так".

"Он просто так ничего не делает".

"Это был намек".

– Это не он, – сказала я вслух.

Никто бы не смог выжить...

– Почему мы встречаемся здесь? – оглядываясь, спросил Дима.

"Он что-то подозревает, надо быть убедительной", – подумала я.

– Ты меня использовал.

– Катя, – сделал он шаг ко мне и хотел дотронуться, но я выставила руку вперёд.

– Тебе вообще я нужна была? Или только мои мозги?

– Эмоции тебе не идут.

И я не отвечала на вопросы, и Дима уходил от ответов. Мы оба понимали, что ложь распознаем. Сколько бы эмоции ни было, но обман мозг гения все равно распознает.

– Интересно, а тюремная роба мне пойдет?

– Не преувеличивай. Я умею замечать следы. Неужели ты думаешь, что два года мы просто писали программы?

– Ты же первый меня и сдашь, если они начнут использовать твоего сына. Ты выберешь его.

– Катя, зачем мы здесь?

По имени он меня звал редко. В основном называл Ласточкой. Он понял, что я заманила его в ловушку.

– Прости. Но ты...

Договорить я не успела. Пять выстрелов оглушили меня. Я даже закрыла глаза, а когда открыла, увидела, как Дима, держась за грудь, отступает к краю обрыва. Шестой выстрел – Дима упал вниз. Всплеск воды внизу – и все. Он остался в ледяных водах с шестью пулями в груди.

– Ты все сделала правильно, – остановился рядом со мной мой учитель. – Он был гением, но при этом психопатом.

Глава 10

Кто может играть жизнями людей, чтобы привлечь мое внимание, если Дима погиб? Точнее, был убит не без моей помощи, пусть и не моими руками.

Ещё один психопат с гениальным интеллектом? Какова вероятность? И зачем ему я?

"Да признай уже себе, что это он. Рассчитать процент вероятности?"

– Иди к черту! – ответила я вслух.

В том доме точно был не Дима. Я бы узнала его. Что бы он ни сделал, я бы узнала.

Но ведь даже тогда, когда я расшифровала послание, первым делом подумала о нем. Поэтому и пошла туда, чтобы убедиться.

Хватит! Мне надо подумать, а наедине с умником с моей голове это не получается. Взяв ключи от квартиры и сумку, вышла на улицу и двинулась куда глаза глядят.

Но мысли будто все остались в квартире. Я просто воспроизводила в памяти все, что произошло.

Первый код – день рождения его сына.

Это неспроста. Он винит меня в том, что произошло...

"То есть ты уже не сомневаешься, что это он?"

А если всё-таки с Димой работал кто-то, о ком я не знала? Но он по жизни был одиночкой, не командный игрок. Мне казалось, что я и его сын были единственными близкими людьми в его жизни.

И что дальше? Допустим, мое внимание привлечено. Что теперь? Если это Дима или такой же псих, как и он, то все должно иметь значение. Символизм... Он любил его. Не зря же я смогла дойти до пароля без взлома.

И тут я вспомнила дядю Дениса. Он процитировал мне Бертрана Рассела. Дима был знаком со всеми его трудами, несмотря на то, философия это или математическая логика.

"Совпадения возможны, но очень редки".

– Екатерина Тимофеевна! – услышала я голос за спиной и обернулась.

И снова совпадение?

Но потом я перевела взгляд на здание, на крыльце которого стоял позвавший меня человек, и все встало на свои места. Я даже вздохнула, поняв, что просто дошла до городского отделения полиции.

– Анатолий Егорович, – кивнула я.

Зачем он меня окликнул? Мог бы просто сделать вид, что не узнал меня. Общались сегодня, и вроде тем для разговоров у нас не осталось.

Я смотрела, как он спускается по ступенькам и подходит ко мне.

– Вечерняя прогулка, Екатерина Тимофеевна? – спросил вполне дружелюбно.

– Да, – ответила. – А вы допоздна работаете?

– Точно, – отбросил Анатолий Егорович окурок, попав точно в урну, и неожиданно предложил: – Не хотите кофе выпить?

Предложение странное. А если учесть, что несколько часов назад я пила кофе с его братом...

– Знаете, в такое время кофе вредно, – улыбнулась я.

– Я настаиваю, – тоже с улыбкой, но уже жёстче произнес Анатолий Егорович. – У меня в кабинете есть отличная арабика.

Вот так! Даже в кабинете.

"А в сумочке поддельный паспорт и крупная сумма баксов", – напомнил мне голос в голове о том, что мы забрали из рандомного подвала.

С этим чертовым ноутбуком я даже забыла. А ведь я ничего никогда не забываю.

И сейчас не надо быть гением, чтобы понять: Анатолий Егорович зовёт меня не просто так.

Я медленно кивнула, и мы пошли в здание.

– Какое удивительное совпадение, что вы оказались здесь именно в тот момент, когда я вышел покурить.

Слишком много совпадений в последнее время. Но наша встреча сейчас действительно похожа на случайность.

Мы поднялись на второй этаж, и, пригласив меня в кабинет, Анатолий Егорович, кажется, о кофе забыл. Предложил мне стул, сам устроился напротив. И с таким видом... Я вновь почувствовала себя на допросе. Неприятно, но не смертельно.

– Вы хотели меня о чем-то спросить? – спросила, вроде бы с интересом осматривая кабинет.

– А может, рассказать, – уклонился он от прямого ответа.

– Даже предположить не могу, что меня может заинтересовать в вашем рассказе, если это на самом деле так, – развела руками.

От этого движения сумка соскользнула с плеча, но я успела ее подхватить, прежде чем содержимое рассыпалось по полу.

– Отличная реакция, Екатерина Тимофеевна.

– Вы меня извините, но уже поздно. Я устала и...

– Я вас понял. Почему вам так неприятна моя компания? – без паузы спросил Анатолий Егорович.

– Вам кажется.

А он хорош. Но меня врасплох такими штучками не застать. Мой мозг работает очень быстро, пусть лучшую его часть я отделила от себя. И теперь она вылезает иногда в виде противного голоса.

– Возможно. А знаете, вы мне очень помогли, когда дали подсказку насчёт компьютера.

– Это было лишь предположение, а не подсказка, – сразу же поправила я.

– Да-да, конечно, – снова согласился со мной Анатолий Егорович. – Я показал цифры своему брату, и он быстро расшифровал.

– Рада, что вы продвинулись в деле.

Не более чем вежливый ответ. Я-то уже знаю, что там. И сколько бы Анатолий Егорович ни присматривался ко мне, интереса он не заметит.

И, судя по всему, брат с сыном оставили его в неведении относительно нашей встречи.

– Я вот думал целый день, почему эта идея не пришла никому в голову, кроме вас.

Можно было пожать плечами, ответить "не знаю", но я лишь в недоумении захлопала глазами. Обычно действует, когда надо объяснить собеседнику, что не понимаешь, чего он от тебя хочет.

– Ладно, Екатерина Тимофеевна, профессия такая – подозреваю всех, – уже вроде бы в шутку отмахнулся Анатолий Егорович.

– Я всего лишь учительница математики, – ответила в том же тоне. – Если ваши подозрения развеялись, то я, наверное, пойду.

– Всего доброго. Может быть, кофе в другой раз выпьем.

"Лучше пусть этого другого раза не будет".

Я вышла из отделения и прикинула, сколько мне идти до дома.

"Час", – рассчитал мой подсказчик.

Нет, лучше на автобусе. Остановка была в зоне видимости, и автобус прямой до моего дома ходит.

Пока ждала транспорт и ехала, думала уже не о Диме, а об Анатолии Егоровиче. Его интерес ко мне должен бы был напрячь, но пока я никакой угрозы от него не чувствовала. И даже в какой-то степени могла его понять.

– Флаер на скидку в новом кафе, – подскочил ко мне парень и протянул прямоугольный яркий листок.

– Спасибо, не надо.

– Возьмите, пожалуйста. Последний, а я домой хочу.

Я машинально протянула руку и забрала флаер. Возле подъезда хотела определить его в ближайшую урну, но взгляд мой зацепился за название и логотип.

"Открытие необычного "Котокафе" уже скоро! Живые домашние любимцы создают уютную домашнюю атмосферу. Круглосуточно. Скидка 20%"

А с обратной стороны много мелких картинок с разномастными котами.

И паренка я не рассмотрела...

Глава 11

Ноутбук смотрелся в этой квартире чем-то чужеродным. Будто привет из прошлой жизни. Хотя так оно и было...

Я убрала его под диван и будто создала иллюзию, что все как раньше.

Точнее, как в последний год. Мне было тяжело среди людей, но я жила как обычный человек. Может, меня отчасти считали нелюдими, необщительный, но я и так адаптировалась, насколько смогла. Поначалу казалось, что с детьми я вообще не справлюсь. Если зрелые люди вызывали отторжение, то дети представлялись вообще существами, с которыми я никогда не найду общий язык. Но почему-то именно с ними оказалось проще.

И за сегодня я, кажется, наобщалась так, что тошнит от переизбытка.

Я снова начала рассматривать флаер, уже при ярком свете, а не под фонарем у подъезда.

Котокафе... Это же надо было такое придумать. Ещё и с живыми котами внутри. Как они собираются с санэпидстанцией договариваться? Это уже точно не мое дело.

Связан ли этот флаер с ноутбуком? Там тоже было много котов, как и на рекламе нового кафе.

Я вспомнила свой разговор с начальником колонии. Я умею думать как Дима, но не умею думать как преступник. А он в этом деле, судя по материалам, которые я видела, преуспел. Гениальность, обернувшаяся против социума – ошибка природы? Или это выбор обладателя такого интеллекта? Мораль и нравственность, воспитание и предрасположенность. С этими понятиями мне было сложно. Я с детства сложно находила общий язык с социумом, была практически изолирована.

"И взамен изолировала часть себя".

"Теперь разговариваешь сама с собой".

"Может, псих вовсе не Дима?"

За эти дни я уже так привыкла, что бормотание в голове активизировалось, что уснула на диване, подложив под голову руку.

"Подъем! Гости возле дома!"

Я резко распахнула глаза. Свет все так же горел, но через открытое окно доносились голоса. Пятница... Молодежь шумит?

Я прислушалась, и до меня донеслись обрывки фраз:

– Вот тут смотрите... Продолжайте опрос жильцов... Да, два часа ночи, но что поделать?.. И в соседних домах... Нет, пока оставьте все так... Что?.. Черт, какая записка? Звоните...

Что-то произошло. Я не вставала и не подходила к окну, чтобы не привлекать к себе внимание.

"Капкан захлопывается".

"Он уже близко".

"Полиция придет к нам".

В том, что это полиция, сомнений не было. По отблескам маячков понятно. Многих соседей, чьи окна выходят на эту сторону, скорее всего, тоже перебудили. Так, показания каждого вряд ли будут протоколировать.

Я быстро поднялась, выключила в гостиной свет и зашла в ванную. Набросила халат, растрепала волосы, будто только оторвала голову от подушки... Может, пронесет. Светиться в протоколах полиции даже в качестве свидетеля не надо.

Звонок в дверь был неуверенным. Я выждала немного, пока не прозвучал повторный. Включила в коридоре настенный тусклый светильник и, шурясь, распахнула дверь.

– Доброй ночи, – сказал совсем молодой парень.

Вроде совсем зеленый. Тут или пронесет полностью, или он будет слишком дотошен.

– Доброй, – сонно пробормотала я. – Что-то случилось?

– Небольшое ЧП. Вы что-нибудь слышали или видели за последние часа полтора?

– Нет, я приняла снотворное и спала.

– Извините за беспокойство, – сказал парень, помечая в блокноте номер моей квартиры, и я уже почти выдохнула. – Мне надо переписать ваши паспортные данные.

Всё-таки не пронесло. Я кивнула и потянулась к тумбочке.

– Пожалуйста.

– У вас не местная прописка, – заметил он.

"Перед начальством отличиться хочет", – хихикнул мой друг.

– Я здесь снимаю квартиру. Договор показать?

– Не надо, извините за беспокойство.

Захлопнув дверь, уже в темноте я подошла к окну. Может, магазин, который внизу, ограбили?

"Ой, сколько совпадений за один день. Убедим себя, что ограбили".

Сон, который только как несколько месяцев вернулся к нормальному графику, кажется, снова грозит попрощаться со мной. До утра уснуть не могу, хоть упорно пытаюсь. В то время как для этого нормальные люди считают овец, я решаю логарифмические уравнения. Они мне раньше помогали, сейчас же никак.

Прокрутившись почти до рассвета, я заварила кофе и с неприсущей мне долей философии подумала, что принесет этот день.

А вот и первый сюрприз...

Так рано не звонят с хорошими новостями или пожеланиями доброго утра.

Номер незнакомый. Вчера такой же звонок обернулся интересным знакомством.

"А Герман у нас, оказывается, интересный".

Пока я смотрела на экран, он погас, звук прекратился, но тут же раздался снова.

– Слушаю, – ответила я.

Наверное, мой бодрый голос и вызвал подозрения.

– Не спится, Екатерина Тимофеевна?

Звонившего я узнала моментально, но, конечно, сделала вид, что в замешательстве.

– Простите?..

– Это Анатолий Егорович Сенников.

– Что-то случилось?

Понятно, почему он звонит. Наверняка данные о жильцах дома, в котором или возле которого что-то произошло, уже у него на столе. А начальник убойного отдела вряд ли бы стал заниматься ограблением небольшого магазина.

– Я жду вас возле вашего дома. Спускайтесь.

О том, чего от меня хочет, ни слова. Конечно, хороший прием, чтобы я не успела подготовить ответы заранее. Но мне уже хватило того, что он приехал сам, а не вызвал в управление.

Глава 12

Я была спокойна. И когда спускалась, и когда Анатолий Егорович наблюдал за мной, пока я подходила к нему. Наблюдал, стоит заметить, внимательно.

"Он точно неплохой мент".

"Ищет нервозность в движениях".

Заткнулся бы пока. Но мой внутренний надоедливый товарищ неожиданно подал дельную мысль:

"Пошутить".

Я достаточно долго общалась с людьми, чтобы распознавать обычный юмор. Я подошла к Анатолию Егоровичу и, чуть улыгнувшись, спросила:

– Я могу подумать, что вы в меня влюбились.

Шутка так себе, наверняка на уровне старшей школы, но больше ничего в голову не пришло. Да и не стоило, наверное, так с отцом своего ученика... Хотя мы не в школе. И встреча – его инициатива.

– Екатерина Тимофеевна, – Анатолий Егорович наконец подкурил сигарету, которую так долго вертел в руках, – а я бы мог подумать, что вы со мной флиртуете, но это не так. Женщины, которые флиртуют, совершенно по-другому жестикулируют.

"А он умен".

"Умеет читать невербальные знаки".

Понятно, почему восхищается мой умный друг, но мне эта наблюдательность совсем некстати. И сам Анатолий Егорович умеет преподносить сюрпризы. Он с каждой новой встречей выдает что-то новое.

– Не хотите прокатиться, Екатерина Тимофеевна? – выдыхая дым, спросил Анатолий Егорович.

– Могу я спросить?..

– Куда? – закончил за меня, открывая дверь. – Вы, наверное, как человек точной науки, не боитесь трупов?

"Это просто мертвое тело. Уже даже не биологический организм".

Я понимала, что приезд Анатолия Егоровича связан с ночным происшествием. Но неужели он собирается отвезти меня в морг? Зачем?

– Простите, – нахмурилась я.

"Он не скажет. Он хочет увидеть реакцию".

– Давайте вы как математик выскажете мне свои предположения, когда мы будем на месте.

– А если я откажусь?

– Вам есть что скрывать? Мы можем вам вызвать в управление. Например, в понедельник. Так что, Екатерина Тимофеевна, поедem или в понедельник?

Черт знает, что еще может случиться до понедельника. Но и любопытство свое показывать не стоит.

– Это связано с тем, что ночью ко мне заходили из полиции? – спросила я, садясь в машину.

Анатолий Егорович сразу не ответил. Захлопнул пассажирскую дверь, докурил, устроился на водительском месте и потом только ответил:

– Я бы все равно к вам пришел.

Мы как два шулера, только у Анатолия Егоровича опыт большой за плечами. И в общении с людьми явно он гениальнее меня.

"Это его игра".

"Все будет идти по его правилам".

"Он всех переиграет".

И подсказки были совсем не о человеке рядом со мной. Заткнул мой внутренний голос звонок. И это не мой телефон. Да и звонить мне некому.

– Слушаю, Герман, – ответил Анатолий Егорович. – Только передали? И что там? Твою мать... – покосился, явно собираясь ещё что-то сказать, но нет. – Хорошо. Бери такси, подожди меня в управлении. Нет пока, я в морг. Да не надо...

Я отвернулась к окну. Если младший брат подключился к этому делу, то у меня могут быть действительные проблемы, а не только интуиция Анатолия Егоровича. И встречаться с Германом я не горела желанием. Тем более если он не рассказал брату о нашем знакомстве.

"Что-то закручивается".

"Будет плохо многим".

"Это он!!!"

Последняя фраза продолжала биться в голове, пока сквозь этот гул не донёсся голос Анатолия Егоровича:

– Екатерина Тимофеевна, мы приехали.

Я кивнула и вышла на улицу. Сориентироваться по указателям не составило бы труда, но я же вроде как потерянная от приезда в морг учительница. Поэтому подождала, пока меня проведут.

В коридоре нас встретила женщина, широко улыбнувшись Анатолию Егоровичу. Я ее даже не заинтересовало, что позволило мне прочитать на ее бейдже: "Богданович Надежда Сергеевна. Судмедэксперт".

– Здравствуйте, – расплылась она в улыбке. – Мы вас так рано не ждали.

– Он приехал? – спросил Анатолий Егорович.

– Полчаса назад. Обматерил здесь всех, сказал, что в морге обязательно должен быть коньяк, и готов приступить, – ответила Надежда Сергеевна. – Но вы ничего не подумайте, – тут

же заверила она, – лучшего специалиста вы не найдете. Он лучший в радиусе тысячи километров. Хотя к нему надо привыкнуть.

Я не стала разубеждать женщину, которая на меня вообще не смотрела, что лучшие нормальным всегда кажутся странными.

Анатолий Егорович кивнул и, оставив свою дыхательницу, пошел дальше. Я – за ним. Возле железной двери он остановился и повернулся ко мне, сказав:

– Екатерина Тимофеевна, вы не похожи на слишком впечатлительную даму, но то, что вы увидите, может вас ввергнуть в шок.

Я уже была готова ко всему. Даже если там части тела в разной степени разложения.

– Анатолий Егорович, я вообще не понимаю, зачем я здесь и что происходит.

Он посмотрел на меня ещё пару секунд и толкнул дверь. В большом холодном помещении я машинально погладила руки выше локтя, скрестив их.

– Добрый день, – отвлек Анатолий Егорович мужчину, который стоял к нам спиной и гремел инструментами.

Он обернулся и изогнул бровь.

"А та мадам была права".

Неординарного человека видно сразу. У него и глаза другие, и мимика. Он – индивидуум.

– Вы из полиции, – он даже не спрашивал, а утверждал, пока я осматривалась.

– Да, – ответил Анатолий Егорович, и тут же около двери раздался другой голос:

– А я из, так сказать, смежной конторы.

Черт! Герман всё-таки приехал. Хотя трупы ему видеть вроде по должности не положено. Только компьютеры.

– Ну тогда и вы заходите, – не стусевался мужчина в белом халате. – Мы любому живому существу рады в этих стенах.

Да, Надежда Сергеевна была права: к нему надо привыкнуть.

– А вы, простите?.. – подала то ли я голос, то ли мой товарищ прорвался.

– Константин Иванович Клементьев, – улыбнулся он мне, протянув руку.

– Екатерина Тимофеевна Новицкая, – представилась в ответ.

– Надеюсь, вы не адвокат, – с подозрением сказал мой новый знакомый.

– Я учительница математики.

– Век живи – век охреневай, – выдал новый афоризм Константин Иванович.

Мы с ним остались наедине, пока Анатолий Егорович и Герман о чем-то тихо говорили у двери.

– И зачем вы здесь? – Клементьев спрашивал с интересом.

Но с интересом живым, будто пытался что-то разгадать.

– Я бы сама хотела знать, – пожала плечами. – Вас же тоже зачем-то позвали. Как я поняла из разговора с Надеждой Сергеевной, вы не отсюда.

– Вы правы. Да я и сам пока не понял, но меня разбудили среди ночи и заставили срочно, вот прямо срочно... В общем, Екатерина Тимофеевна, не суйтесь дальше, здесь все на высоком уровне. А то я знаю одну рыжую неадекватную, которая недавно чуть не сгинула кое-где, где ее вообще не должно было быть. Но она – это она. Устроить бал сатаны ей не составило труда. Вы же учитель, поэтому учите детей и...

– Я вас поняла, – перебила Константина Ивановича, заметив, что оба брата из того высокого уровня идут к нам.

– Вы уже видели жертву, Константин Иванович? – спросил Анатолий Егорович.

– Только подготовил рабочее место.

Герман стоял в стороне, его как будто трупы и не интересовали. Но, кажется, интересовала я. Этот взгляд, прожигающий затылок, я узнаю всегда. Но я не оборачивалась.

И такое впечатление, что один Анатолий Егорович чего-то ждёт. Он следил не за действиями Константина Ивановича, а за мной. И когда...

– Глаукому мне в глаз! – первым среагировал Клементьев.

Так, мне, наверное, в этой ситуации надо упасть в обморок. Я пошатнулась, отступив назад, пытаюсь мимикой показать не наигранные эмоции.

И снова меня подхватили...

Это становится в порядке вещей. Но теперь я видела хотя бы лицо Германа.

Глава 13

– Все нормально, – я отошла на шаг от Германа, который все ещё меня поддерживал, и увидела, что Анатолий Егорович продолжает неотрывно следить за моей реакцией.

– Вы меня для этого сюда притащили? – спросила я у него.

– А вы не находите странным, что женщина, столь похожая на вас, была найдена, можно сказать, под вашими окнами? – ответил он вопросом на вопрос.

– При чем здесь я? – все ещё недоумевала, уже понимая, что переигрываю. – Извините, мне надо на воздух.

Герман увязался за мной, а думать в чьей-то компании я не любила. Женщина действительно была похожа на меня. Рост, телосложение, цвет волос, черты лица. И что это, если не очередное послание?

"Круг смыкается".

"Вопрос времени".

– Катя, может, воды? – заботливо предложил Герман.

– Нет, – качнула я головой и посмотрела на него. – А вы здесь зачем?

Он неопределенно пожал плечами, но ответил:

– Взял на себя техническую часть, чтобы помочь.

– А есть техническая часть?

– В двадцать первом веке она всегда есть, – размыто заметил Герман, чему наверняка научился у брата. Или наоборот...

– Снова цифры?

Я не сомневалась, что они должны были быть. Не просто так все происходит. И я ничего не могу рассказать даже не потому, что беспокоюсь за себя, а потому, что... Как бы ни хотелось признавать, но если за этим стоит Дима, если он как-то выжил, то никто не сможет его переиграть. Он умеет просчитывать все варианты и вероятности, он не оставляет следов и умеет манипулировать людьми.

– Вас так заинтересовали цифры?

Герман сел на скамейку и внимательно на меня посмотрел снизу вверх. Удобная позиция, глаза его в бликах стекол от солнечного света я не видела. Сделала шаг в сторону – не хотелось отвечать на вопрос, не видя взгляда. Но ответить я и не успела.

Услышав, как хлопнула дверь, я обернулась и наблюдала, как к нам приближается Анатолий Егорович. И начал он с места в карьер, чтобы снова не дать мне сориентироваться:

– Екатерина Тимофеевна, у вас татуировки есть?

– Нет, – сразу же ответила я, понимая, что он в меня вцепился не на шутку.

И я даже не солгала. Сейчас у меня татуировки нет, остался только след от ожога на том месте, где она была. И вопрос явно связан с погибшей.

– Что там? – с интересом спросил Герман.

Анатолий Егорович закурил и, посмотрев с недоверием на меня, всё-таки ответил:

– Ласточка на лопатке.

Моя лопатка после этих слов будто вспыхнула. Даже когда я выжигала татуировку, не было так больно.

– Если я вам больше... – начала, но меня перебил Анатолий Егорович:

– Нужны. Поедем в отделение, запротоколируем ваши показания.

– Но я уже ночью сказала, что ничего не видела и не слышала.

Второе посещение отделения за сутки – явный перебор. Да, пусть им надо отработать всех свидетелей, но я не просто одна из проживающих в доме, где было совершено преступление.

– Обычная формальность, – ни капли не утешил меня своими словами Анатолий Егорович.

– Хорошо, – согласилась я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.